

ОКСАНА  
ВИНОГРАДОВА



18+

# Оксана Николаевна Виноградова

## Забытое слово

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=36630209](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36630209)*

*SelfPub; 2018*

### Аннотация

Главная героиня повести – Надежда – родилась в волжском провинциальном городке в простой семье. Воспитанная в детстве на советских нравственных началах, девушка выходит в жизнь, которую «перестроили». Надино мироощущение «накладывается» на пласт неприемлемых для неё «ценностей», которые разрушили и продолжают разрушать страну. Совесть, раскаяние и мужество главной героини помогают ей вспомнить «забытое слово», которое не только спасает ее от безысходности, но и вселяет веру в будущее – своё и страны. Повесть вошла в короткий лист «Золотого Витязя» – 2017, девиз которого: «За нравственные идеалы, за возвышение души человека».

# Содержание

Вступление	4
От автора	10
Часть первая	11
Детство	12
Рождение сестры	20
Катастрофа	27
Перемены	37
Новая школа	47
Тяготы	57
Последние годы школьной учебы	65
Конец ознакомительного фрагмента.	78

# Оксана Виноградова

## Забытое слово

*Моим детям посвящается*

*...Всякая плоть – как трава, и всякая слава  
человеческая – как цвет на траве, засохла трава, и  
цвет ее опал;*

*Но слово Господне пребывает вовек; а это есть  
то слово, которое вам проповедано.*

*Первое соборное послание святого апостола Петра. Гл.  
1, 24–25*

## Вступление

Прежде чем вдумчивый читатель прочтет данное произведение, мне хочется рассказать историю его создания.

Год назад я получила по электронной почте письмо от Натальи Викторовны Разумовой – моей хорошей знакомой. Не буду утруждать читателя рассказом, при каких обстоятельствах мы с ней познакомились, уточню только, что живет Наталья Викторовна в селе, работает директором краеведческого сельского музея; два раза я приезжала к ней на устраиваемый ежегодно «музейный праздник». Наталья Викторовна любит читать, пишет краеведческие статьи. Под влиянием нашего знакомства я увлеклась написанием небольших рас-

сказов и даже задумала повесть о событиях в нашей стране, произошедших в 90-х годах прошлого века, о чем рассказала Наталье Викторовне.

Вскоре она прислала мне письмо следующего содержания:

*«Десять лет назад дальние родственники по линии моего мужа продали нам старый дом. Дом нам в то время был без надобности, а вот земля, на которой он стоял, для осуществления наших планов была необходима. Дом мы хотели снести сразу, но обстоятельства сложились так, что разбирать старую постройку стали только в этом году.*

*На чердаке среди старых журналов, газет и квитанций я обнаружила пачку толстых тетрадей, исписанных ровным, размашистым почерком. Это оказались дневники незнакомой мне особы; я рискнула их прочитать. Мне они показались интересными. В наше время люди редко ведут дневники: для большинства они – отголосок ушедшей эпохи. Времени Чехова, Тургенева, Толстого. Между тем ведение дневника – способ самопознания и познания, притом очень эффективный. Автор найденных мною дневников – некая Люба, – описывая повседневность, видит в ней то, что является смыслом и целью жизни любого человека. Зная, что ты, как и я, любишь читать и интересуешься историей, я подумала, что тебе эти тетради тоже были бы интересны. Может, они пригодятся при написании задуманной тобой повести. В дневниках ценный исторический контекст,*

*на основе которого можно восстановить многие события в период с 1980-го по 2000-е годы. Высылаю тетради посылкой по почте. Сообщи, как получишь. С уважением, Наталья Викторовна».*

Дневники я получила и прочитала с большим интересом. Автор оказалась близкой мне по духу и даже по возрасту: по моим подсчетам, мы с ней почти ровесники. События общественные и государственные, которые она описывает, свежи еще в моей памяти.

До сих пор в России нет ясного понимания, что произошло в начале 90-х годов прошлого века. Между тем катастрофа, произошедшая в СССР в конце 80-х – начале 90-х, погрузила страну в тяжелейшую депрессию. Россия в одно десятилетие лишилась 1/5 своего населения. Есть мнения экспертов о том, что в это пореформенное время людские потери, несравнимые даже с войнами, потрясшими Россию в XX веке, привели к демографическому коллапсу, который не будет преодолен никогда.<sup>1</sup>

Существует даже такой термин: «сверхсмертность».

---

<sup>1</sup> Есть, однако, мнения иные. Например: «Сокращение числа рождений и рост числа смертей в начале 90-х годов привели к тому, что число смертей стало больше числа рождений и естественный прирост населения впервые за послевоенные годы сменился его естественной убылью (появился „русский крест“). Естественная убыль населения – вещь крайне нежелательная, но списывать ее на „катастрофу“ 90-х годов нет никаких оснований» (А. Вишнеvский, директор Института демографии НИУ-ВШЭ. Были ли 90-е демографической катастрофой для России? <https://thequestion.ru/questions/41951/byli-li-90-e-demograficheskoi-katastrofoi-dlya-rossii>).

«Преодоление сверхсмертности требует выяснения ее основных причин. Доминирует точка зрения, что таковыми являются злоупотребление алкоголем, табакокурение, экологическое неблагополучие, ухудшение социально-экономической ситуации и вызванный этим стресс».<sup>2</sup> Однако в 1994 году, когда смертность в России достигла максимальных значений, потребление абсолютного алкоголя на душу населения было значительно меньше, чем в других развитых государствах. «Россия никогда не была самой „курящей“ страной», а о проблемах экологии, когда в 90-х почти остановилось промышленное производство, говорить не приходится. Про холестерин и гиподинамию в пореформенные годы позабыли. Остается экономический фактор и стресс, им вызванный. Да, с началом реформ экономическое положение большинства россиян сильно ухудшилось. «Душевое потребление снизилось до показателей начала 1960-х годов. Однако смертность в России 1960-х была самой низкой среди развитых государств мира». Следовательно, состояние бедности не является прямой причиной сверхсмертности. «Об этом свидетельствует и тот факт, что наибольший рост смертности отмечался не у стариков и детей, экономически наименее защищенных, а среди лиц трудоспособного возраста».

---

<sup>2</sup> И. А. Гундаров, канд. философ. наук, д-р мед. наук, проф. НИИ общественного здоровья и управления здравоохранением Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. Статья «Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа». Здесь и далее цитаты из этой статьи. [http://ricolor.org/rus/zn/tz/demograf\\_nabat/4/](http://ricolor.org/rus/zn/tz/demograf_nabat/4/).

Стресс, вызываемый бедностью, не идет ни в какое сравнение со стрессом, который люди испытывали во время войны.

Поэтому, «поскольку ни один из известных социально-экономических параметров риска не объясняет в сегодняшней России истоков сверхсмертности, постольку неизбежен вывод, что жизнеспособность населения зависит и от каких-то *иных условий* [Выделено мной. – О. В.]».

В найденных Натальей Викторовной дневниках сначала девочка, потом девушка, потом женщина Люба исследует происходящее с целью поиска этих *иных условий*, от которых зависит будущее России.

Люба, воспитанная на советских нравственных началах в детстве, выходит в жизнь, которую «перестроили». Произошла трансформация понятий о добре и зле, о чистоте и пороке, о том, что такое хорошо и что такое плохо... Любино мироощущение «накладывается» на пласт навязанных, чужих, неприемлемых ценностей, которые разрушили и продолжают разрушать страну.

Народ, не способный извлечь из истории выводы и измениться в лучшую сторону, обречен.

Я взяла на себя смелость переработать Любины дневники, объединить их в единое целое и увенчать подходящим названием. Кое-что убрала, кое-что добавила из своих впечатлений о 90-х годах. Имена и фамилии везде, где возможно, изменила. Любе нашла другое подходящее имя – Надежда.

Ведь *Надежда* умирает последней...

Так появилась на свет Божий моя повесть «Забывтое слово», основанная на дневниках более чем десятилетней давности, неизвестного мне автора, разыскать которого не представляется возможным. Сомневаюсь, что Любовь (надеюсь, она жива) сможет в данной повести узнать себя, но все-таки прошу у нее прощения за допущенную мной вольность.

И ты прости меня, читатель!

# От автора

Человек всегда стоит перед выбором.

И только личным усилием можно выбрать в себе добро или зло, веру или отчаяние, любовь или ненависть, Бога или... Главное – знать о возможности и необходимости выбора.

# Часть первая

## Кружение

*Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд.*

***Екклесиаст. Гл. 11, 9***

*Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч;*

*Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее.*

*И враги человеку – домашние его.*

***Евангелие от Матфея. Гл. 10, 34–36***

*Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит;*

*Тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И придя, находит его незанятым, выметенным и убранным;*

*Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого.*

***Евангелие от Матфея. Гл. 12, 43–44***

# Детство

– Советский народ понес тяжелую утрату. Оборвалась жизнь выдающегося деятеля ленинской партии и Советского государства Леонида Ильича Брежнева. Его жизнь – образец беззаветного служения интересам партии и народа. В памяти всех советских людей Леонид Ильич Брежнев навсегда останется как человек, беспрдельно преданный учению Маркса – Энгельса – Ленина... – раздавался эхом в углах актового зала голос Ларисы Игнатьевны, завуча общеобразовательной средней школы № 45, куда родители привели меня «учиться, учиться и еще раз учиться».

Я, первоклашка, стояла в первом ряду и думала о том, что умер великий человек.

Когда я пришла в первый класс, то первым уроком был урок мира. Мы раскрыли букварь и прочитали вслух заголовков: «Наша Родина – СССР». Потом нам рассказали то, что мы и так хорошо знали: что живем в прекрасной огромной стране, где о каждом заботится государство и партия, и нам повезло, что мы не родились где-нибудь за океаном, где ужасный капитализм, голод, нищета и войны и где «маньяк Рейган ставит человечество на грань ядерной пропасти».

Когда я пришла в первый класс, я жаждала учиться на пятерки, стать поскорее пионеркой и комсомолкой и посвятить

свою жизнь борьбе за благо человечества. Я «горела» за счастье своего народа и «кипела» ненавистью ко всем инакомыслящим. Мне хотелось поскорее вырасти и стать кем-то, кем нация могла бы гордиться. Еще в детском саду я сочинила стихи:

Родина моя – прекрасная.  
Как люблю тебя – не высказать.  
Реки, и леса, и поля —  
Вот моя земля. Советская!

Мама мою поэзию не оценила, но бабушка хвалила очень, говоря, что есть «искра Божья» в моей душе. Я была счастлива, хотя и не верила в существование «Божьих искр», в чем убеждать старую бабушку было бесполезно.

С первых дней учебы обо мне заговорили как об отличнице, активистке и помощнице учителя, как об одной из тех, кому «больше всех надо».

Родителям как бальзам на душу лились слова благодарности в моих грамотах и похвальных листах. Я верила в свое блестящее пионерское будущее точно так же, как многие верили в грядущий коммунистический рай.

Все были счастливы.

Спустя два года советский народ и мы, школьники, во главе с нашей учительницей Ларисой Игнатьевной провожали умершего Юрия Владимировича Андропова.

Я опоздала на торжественную линейку, но успела на минуту молчания. Минуту молчания озвучили сопением и шмыганьем. После все разошлись по классам, кроме меня и еще нескольких опоздавших. Нас попросили пройти в пионерскую комнату. Там ярая комсомолка – пионервожатая Юлия Эдуардовна – на фоне распластанного красного флага и недоукрашенного лозунга «Руки прочь от Никарагуа!» заговорила о том, что «...из нас должны выйти настоящие граждане социалистического общества, активные строители коммунизма, люди с высокой моралью, культурой труда и поведения...». Эта проникновенная речь преследовала цель вызвать в нас чувство глубокого раскаяния, но мне было не совестно за опоздание по одной уважительной причине. Настолько уважительной, что трудно было скрывать радость.

У меня родилась сестренка! Я так давно просила ее, но у мамы все не получалось; а потом врачи сказали, что сестренки не получится никогда. Но она получилась!

– Надежда!.. Скоро вы станете пионерами и должны понимать, к чему вас это обязывает! – распалялась Юлия Эдуардовна. – Я еще поставлю вопрос на общем собрании, а сейчас – разойтись по классам!

Это, пожалуй, был первый сбой в моем безупречном поведении и учебе.

В тот день после уроков я пошла к Маринке, моей подруге, в гости. Мы могли пойти и ко мне, но у меня дома не было никого, кто бы нас покормил. Папа работал допоздна, де-

лал «шабашки», а маму выписывали из роддома только через неделю. А у Маринки была бабушка, которая кормила горячим и вкусным обедом.

– Ну как дела у твоей мамы? – сразу поинтересовалась она, как только мы вошли, точнее – протиснулись в заставленный мебелью коридор.

– Она родила сестренку.

– Как хорошо! Как хорошо! Слышала я, что в роддоме была торжественная выписка 250-тысячного жителя. Растет наш город! Но как жалко, умер Юрий Владимирович... Единственный приличный генеральный секретарь партии, и надо же... Опять какого-нибудь старого выкопают...

– Думай, что говоришь, бабка! – заворчал на Маринкину бабушку вышедший из комнаты дед. – Совсем из ума выжила.

– Ой! – всплеснула руками Маринкина бабушка. – Хотите, вам плитку кухонную новую покажу? Маринин отец, пока вы в школе были, привез. Мы ей кухню выложим в новой квартире. «Лунный камень» называется. В Москве за ней такая очередь была, чокнуться можно. Хорошо, что до похорон успели купить, сейчас бы не въехать, не выехать...

– Дети есть хотят, а ты их баснями кормишь! – пробубнил из дальнего угла комнаты дед.

– А скоро вы переезжаете? – спросила я, садясь за кухонный стол, Марину.

– Как только, так сразу. У меня там будет отдельная ком-

ната.

– А какие обои мы туда достали!

– Бабушка!

– Еще мы стоим в очереди на видеоманитофон. Только почти не движемся. Думаем с дедом: может, сервис хрустальный взять в кредит, с рассрочкой на два года?

– Бабушка! Дай нам покушать спокойно! – Марина сделала обиженное лицо.

– Ладно, ладно. Пойду. Кушайте как следует.

Последовала минута молчания.

– Жалко только школу менять. А чтоб к тебе в гости зайти, полчаса придется ехать, – вздохнула Маринка.

– Ну, ничего. В выходные будем встречаться, в кино вместе ходить.

Мы часто ходили по субботам смотреть детские фильмы за десять копеек в кинотеатр неподалеку. Правда, это был не совсем кинотеатр, а церковь без купола, хотя об этом уже мало кто помнил. Рядом возводили новый, просторный, с шикарным названием «Полет». Церковный кинотеатр никак не назывался, и нас часто водили туда всем классом смотреть фильмы о пользе атеизма и разложении буржуазии на Западе. А как-то раз нам показали фильм о нацистских лагерях, где убивали женщин и детей. Все они были прозрачные от голода и голые. У меня это вызвало такой ужас, что я месяц спокойно спать не могла и слезы выступали на глазах, когда я вспоминала об этих несчастных детях. А тогда, после филь-

ма, я разрыдалась, и Мишка, одноклассник, высмеял меня.

– Ладно, Надь, в кино будем ходить. А с кем дружить-то мне в этой новой школе? – опять вздохнула Маринка и задумалась. Я тоже. Она – моя лучшая подруга. Другие – так, с ними не весело. Точнее – не так весело. Хотя в целом интересно.

– Хочешь, – зашептала я Марине, – секрет расскажу?

– Валяй.

– Только никому!

– Клянусь!

– Мне Есенин в любви признался...

Есенин – не поэт, а наш одноклассник Сеня Есенин. Бледный, худой, с едва заметными веснушками на лице. Некоторые над ним смеялись, потому что он был со странностями: не ходил на физкультуру, не завтракал со всеми. А во время уроков доставал из портфеля термос, оберточную бумагу, пакеты с едой и начинал жевать. Ему это было разрешено, и никто никогда не делал замечаний. Он был болен странным словом «диабет», и в самом этом слове одноклассникам мерещилось что-то юродивое.

– Фу-у-у... – Марина выразила презрение.

– А как отвязаться-то?

– Пошли.

– Не могу. Неудобно. Может, сам поймет?

– Да, такой пристукнутый поймет!

– Вообще-то я ему сказала, что он мне не очень нравится,

но он хочет быть моим другом, а иногда до дома провожать. Мы почти рядом живем.

– Не смейся. И не говори никому: засмеют... А лучше – пошли куда подальше.

– Да еще классная хочет, чтоб я его на поруки взяла, подтянула маленько по математике.

«Подтянуть», то есть позаниматься во внеурочное время с отстающим учеником, поручали ответственным, успевающим ученикам, в числе которых была и я.

– Это хуже, – вздохнула Маринка. – Отказаться нельзя.

Я утаила от Маринки, что Есенин вчера провожал меня до дому, и более того: заходил ко мне в гости, так как по дороге я ему рассказала, что мой папа выписывает журналы «Наука и жизнь» и там проиллюстрированы всевозможные достижения науки и техники. Есенин почти со слезами просил дать ему посмотреть эти журналы, и я не нашла в себе силы отказать. Тем более дома никого не было. Я усадила Есенина на диван, не предложив ничего покушать (хотя, наверное, он был голодный: запасы из портфеля не торчали), дала ему стопку журналов, которые постарее, и убежала на кухню обедать. Спустя несколько минут я вернулась, а он сидел как застывший и пялился на картинку со спортивной машиной.

– Надь, а ты можешь мне ее подарить? – спросил он, вероятно заметив, что из некоторых страниц вырезаны иллюстрации. (Папа разрешал мне это делать.)

– Ни в коем случае, – отрезала я не задумываясь.

Он еще немножко посидел, но потом я сказала, что у меня много дел, а он мне мешает.

Есенин ушел.

– Надя! – вывела меня из раздумий Маринка. – А ты с кем пойдешь макулатуру собирать?

Собирать макулатуру – святое и обязательное дело каждого ученика. Кто больше всех соберет – тому грамота. Ученики ходили по подъездам и попрошайничали ненужные бумажки. Это занятие захватывало и вызывало азарт. В выброшенных бумагах можно было найти что угодно: некоторые выкидывали старые книги, в то время как такие же новые можно было достать только по подписке или «с нагрузкой» (так называли ненужные вещи, прилагающиеся обязательно к нужным). Некоторые выкидывали и новые, но, думаю, по случайности. Когда к школе подъезжала машина за макулатурой, учителя, родители и просто прохожие заглядывали в каждую связку бумаг, наверное, в надежде найти что-то стоящее. Пионервожатая тоже один раз нашла. Манифест коммунистической партии. По надписи на связке нашли сборщика, пропесочили его на перемене и вызвали родителей. Пришел его отец и божился, что сын выкинул брошюру без его ведома...

– Надя-а-а!

– С тобой, конечно. Только не знаю, когда и как. Маму скоро из роддома выпишут, заботы будут. Я тебе скажу позже. Ага?

# Рождение сестры

Маму выписали через неделю. Из прежней жизнерадостной, обаятельной женщины и любимой мамы она превратилась в изможденную, нервную и злую.

– Как ты мог? Как ты мог? – плакала она в первый день выписки, обращаясь к папе. – Меня там бросили в коридоре, я и встать не могла. Ты бы спросил, где я, что я... А я слышала: сунулся в приемник, спросил «кого?» – и пить пошел.

– Да не пил я, Оля! Мне надо было срочно ленточки писать на венки, сама же знаешь!

Папа работал художником в строительном управлении. До этого он десять лет работал художником в бюро эстетики главного завода города, часто ездил по командировкам, изучал влияние польского плаката на массы, совместно с лауреатом Сталинских премий трудился над созданием городских монументов и создавал удивительные эскизы, по которым оформляли демонстрационные шествия. Но папина душа требовала простора для индивидуальности, сфокусировавшись на желании иметь собственную мастерскую. Ее-то и посулили (и дали) папе в строительном управлении, куда он второпях перебежал из бюро эстетики.

Так вот. Папа работал художником, и рисовать плакаты, лозунги и ленточки было его обязанностью. Он, правда, иногда «малевал», как выражалась мама, и картины, но в сво-

бодное от работы и «шабашек» время, которого у него было мало.

Насчет «пил» мама, конечно, переборщила. Папа, как творческий человек, выпивал, но очень редко и от расстройства. Например, когда участвовал в областном конкурсе плакатов на тему «Спорт и здоровье молодежи». Он был уверен, что созданная им агитация на ватмане займет первое место. Каково же было его удивление, когда он увидел победивший плакат! Во всю его ширь было изображено лицо правившего тогда Леонида Ильича Брежнева, и только на заднем плане, где-то в дымке, виднелась потерянная фигура то ли бегуна, то ли прыгуна с шестом. Папа напился и сделал выводы. С тех пор он набил себе руку на росписи ликов вождей и стал получать неплохие деньги.

Конечно, у папы были недостатки, одним из которых (и главным) была оторванность от действительности. Папу часто посещали музы, и в ответственный момент, когда следовало начать пылесосить паласы в комнате, он удалялся в туалет, с тем чтобы написать пару стихотворений. Когда он писал картины, творческий процесс его сопровождался громким песнопением из русских народных мотивов. Папа на полном серьезе утверждал, что существуют летающие тарелки и неподвластные человеку космические силы, что можно черпать энергию из космоса и для этого желательно заниматься йогой и вставать в позу лотоса. Для таких дел у него имелись запрещенные, откуда-то перепечатанные ин-

струкции, которые он периодически перечитывал и соблюдал. Папа никого не боялся, так как был беспартийный, родом из заброшенной в оренбургских степях деревеньки. Талант позволил ему получить художественное образование, которое, как ни странно, оказалось очень востребованным, а любовь к моей матери занесла в далекие чужие края. Из душевного равновесия папочку могли вывести только мамины слезы и нравоучения ее брата Славы – почетного парторга на промышленно-оборонном предприятии. Главный папин недостаток, по мнению мамы, – это то, что он понятия не имел, какая зарплата проставлена ему в «корешке» за текущий месяц и какие цены в магазине.

Естественно, маму угнетали папины чудачества. Выходя замуж, она принимала их за особенности необычного человека; сама-то она была как все: хорошистка, атеистка, приверженная общественной работе, а по специальности – инженер. Мое рождение было окрашено романтической влюбленностью и большими светлыми надеждами на единение чувств и мыслей родителей, в честь чего, вероятно, меня и назвали. Увы, единение не состоялось. Разрыв между матерью и отцом становился все больше. Жизнь превращалась в однообразную и предсказуемую, и мама постепенно подрывала здоровье и психику в неравной борьбе с бытом. Сейчас ей как никогда требовалась поддержка реально думающего человека, единомышленника. Папа таким никогда не был и сиюминутно стать не мог. По этой причине с мамой произо-

шла резкая метаморфоза, путь к которой был долг и незаметен. Теперь она не сомневалась в своем святом мученичестве.

По отношению ко мне мама соблюдала дистанцию. Когда я была маленькой, она, разумеется, целовала и обнимала меня, как все нормальные матери; играла со мной, помогала шить платьишки куклам. Иногда она злилась на меня за непослушание и ставила в угол. Кроме того, она всегда бдительно следила, чтобы я была накормлена-напоена, ухожена и вовремя спать уложена. Когда мама работала во вторую смену, она специально приходила в садик «Снежинка», куда меня водили, чтобы проверить, как за мной смотрят воспитатели; а однажды устроила большой скандал, так как воспитатели меня проворонили и я самостоятельно, в два с половиной года, ушла домой. Правда, далеко уйти я не смогла: заблудилась между соседними садиками «Снегурочка» и «Пингвин», с горя описалась и подняла громкий рев. Там меня и нашла заплаканная мама, смеясь от счастья... Да, она меня любила... только почему-то редко говорила мне об этом. Однажды мама забрала меня из детсада, и по дороге домой я сказала ей, что люблю ее «сильно-сильно, больше Ленина». Мама остановилась, мягко взяла меня за обе руки и сказала: «Хорошо. Только не говори об этом никому, пожалуйста». Ленин был святыней и вождем всех народов, и мама боялась инакомыслия, неосознанно прививая и мне этот страх. Она искренне верила в светлое коммунисти-

ческое будущее, которое ждет всех, если поступать по заветам Ильича. Мама чтит нормы и мораль социалистического общества, несмотря на то что семью ее отца раскулачили и развеяли по ветру! Единство и борьба противоположностей! Святая простота! Смесь наивности, упрямства и выдуманных догм делали маму для окружающих ее людей одновременно и жертвой, и палачом.

Мама всегда вела себя как идеал, образец; не было у нее изъяна ни в прошлом, ни в будущем. Она все делала правильно. Замуж вышла по любви, муж – ее единственный мужчина за всю жизнь; дома – блеск и чистота, еда всегда на плите; сама мать – аккуратная, образованная, и нет в ней никакого явного недостатка.

Мне казалось, что я не отвечаю ее критериям, и не верилось в ее любовь ко мне. Я боялась ее расстроить, потому что она потом почти всегда плакала и не хотела ни с кем разговаривать. Тогда я начинала думать, что, если б меня на свете не было, она была бы не такой несчастной.

И вот родилась сестренка Даша. Мама плакала. Моя радость сменялась то тоской, то разочарованием. Даша тоже плакала, и днем и ночью, и днем и ночью, и опять днем и ночью. Иногда вместе с ней начинала плакать и я.

Врачи велели кормить Дашу строго через три часа, иначе – напугали они – будут проблемы с желудком. Но Даша не знала об этом и почему-то хотела есть чаще. От голода она

кричала, а мать опять плакала, не смея нарушить запрет врачей и опасаясь еще больших осложнений. Голодная, Даша не хотела спать, и мы трясли ее по квартире в коляске как сумасшедшие. Папа не выдерживал, как он сам выражался, «великого плача княгини Ольги» и постоянного ора Дашеньки и стал приходить с работы как можно позже, оправдываясь заработанными на «шабашках» деньгами.

Когда Даше исполнилось три месяца, у матери пропало молоко. Более того, Даша отказалась пить молоко и кефир с молочной кухни, в которую мать направил врач. Вопреки законам логики Даше понравился геркулес, который был дефицитом. Поэтому каждый вторник мама поджидала меня с коляской у школы, и мы шли к салону для обслуживания инвалидов Великой Отечественной войны. Там мы подходили почти к каждому человеку в очереди, и мать шепотом говорила: «Пожалуйста, продайте нам пачку геркулеса из пайка, у меня трехмесячный ребенок, кефир не пьет...» Чаше отказывали («У самих дети...»), но иногда кто-нибудь, виновато пряча глаза, говорил «конечно, конечно...». И мы стояли вместе с ним в очереди, выжидая, когда подойдет его черед.

Дефицит, надо сказать, сколько я себя помню, был всегда. Всегда надо было постараться достать что-нибудь из еды, из вещей. В очередях простаивали часами, и это было обычным делом. Наша семья, как и все люди, были занесены в список на стиральную машину, холодильник, велосипед, цветной телевизор «Горизонт»... Такие очереди длились годами.

Люди десятилетиями стояли в очереди на машину, квартиру. Вся жизнь была как нескончаемая очередь. Дело доходило до анекдотов: я выстаивала очередь за котлетами, которых давали по пять штук на человека, а когда приближалась к прилавку, выкликивала мать. И та, с гордо поднятой головой, держа на вытянутых руках орущую Дашу, громче ее кричала: «Нам на трех!» На возмущение толпы мать парировала: «Она что, не человек, что ли?»

Обязанности вождя в государстве после смерти Андропова взял на себя Константин Устинович Черненко и почти тут же их сложил. Его панихиду мы смотрели по телевизору у дяди Славы. Он стоял перед экраном и скорбно отказывался от пирогов, которые предлагала ему жена. Мы, дети (я и мои двоюродные брат и сестра), а также их огромный, черный и лохматый королевский пудель Севка, настроения дяди Славы не разделяли и все съели. Похороны вызывали в нас чувство обыденности и легкого раздражения. Мы досадовали на то, что три дня не будет мультиков и детских фильмов по телевизору, по которому и так смотреть было нечего.

В марте 1985 года генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Михаил Сергеевич Горбачев. Устав от похоронных передач, народ вздохнул с облегчением. Горбачев был молод, неуклюж в русском языке и с огромным родимым пятном на лбу. Обещал держать курс и жить долго.

# Катастрофа

Вся страна радовалась. Предыдущие политики немного сбились с пути, указанного Лениным, но теперь-то, как провозгласили с экранов, состоится «возрождение истинного социализма»!

«Возрождение» получило название «перестройка». Для народа она началась в мае. Был издан указ «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения».

Такова была первая реформа.

Осуждалось питье в обществе по любому поводу. На поминки и свадьбы выдавали не более двух ящиков водки по справке.

Если ты задумал выпить тихо один и для здоровья, ты мог купить водку. Она, равно как и другие продукты, стала выдаваться по норме: не более двух бутылок в руки. Цена с трешки подпрыгнула до десяти рублей (это при заработной плате инженера сто двадцать рублей). Когда водку завозили в магазин, образовывалась километровая очередь.

В городе появился антиалкогольный патруль: крепкие мужики хватали по вечерам возвращавшихся из гостей прохожих и предавали в руки правосудия.

Если тебе не нравился сосед, ты мог запросто отравить ему жизнь: звонишь в милицию и говоришь, что твой сосед –

самогонщик. Постоянно самогон варили немногие, но у многих имелся в доме самогонный аппарат и книги о виноделии. Все это тянуло за собой штрафы, конфискацию и даже срок – в зависимости от размеров и обстоятельств.

Каждый день по радио и телевизору шли бравые репортажи о вырубленных виноградниках и демонтированных винных заводах.

Все, кто пил, продолжали пить. Но только не водку, а что придется: денатураты, одеколоны, всякую другую гадость. Возможно, в этом был и плюс: в первые годы перестройки многие пьяницы «отбросили коньки» или наложили на себя руки, очистив общество.

Фольклор не оставил действия Горбачева без внимания: по стране ходили анекдоты, самым известным из которых был следующий: мужик, не достоявшийся в очереди за водкой, поехал в Кремль, чтобы плюнуть в лицо Горбачеву. Вскоре возвращается и объясняет: «Там очередь еще больше».

Однако люди простили молодому, красивому, занятно говорящему генсеку эту реформу. Все по-прежнему ожидали перемен к лучшему. А некоторые, например измученные жены спившихся алкоголиков, были ему благодарны за преждевременный уход благоверных в мир иной.

Мою семью алкоголь сильно не волновал. Но когда городская кондитерская фабрика выпустила партию пирож-

ных эклер, которыми отравились около ста пятидесяти человек, мы почувствовали: что-то пошло не так, как всегда. Потом пропали стаканчики в автоматах с газированным лимонадом; потом – сами автоматы.

Папа стал чаще критиковать действия правительства, а мама задумывалась, не зная, что ему ответить. Конечно, жить становилось труднее, но когда было легко?

Да и на разговоры у нее не было времени. Со мной она общалась примерно так: «Ты не пропылесосила пол; не вымыла посуду; не убрала учебники...» Да, у меня были недостатки, но было во мне и хорошее. Например, после уроков я с подругой перелезала через забор военной базы, расположенной неподалеку, и покупала там на специально для этой цели оставленные мамой деньги дефицитные печенье, масло, сметану. Шила: перешивала Дашеньке кофточки и юбочки. Любила гулять с сестрой вокруг дома. Укладывала ее спать, что было не так-то легко...

Но даже тогда, когда я делала что-то полезное, всегда встречала выговоры: когда мыла пол в квартире, то «заливала всю ванную», когда жарила картошку, то почему-то «синюю» и т. д.

Моей учебной мамой не интересовалась, а мне до того надоело ходить за ней с дневником и канючить «распишись», что в четвертом классе я стала расписываться за родителей. В школе я училась на отлично, была любимицей учителей и редактором стенгазеты, где пропагандировала здоровый мо-

ральный образ жизни, рисуя карикатуры на девочек, носивших сережки, и мальчиков-двоечников. Я была достойной, как мне казалось, пионеркой и, как мама, верила в светлое коммунистическое будущее, несмотря ни на что.

Папа в мою учебу тоже не вмешивался. Агитационные плакаты и лозунги пользовались бешеным спросом, и он работал по вечерам. Его очень часто не было дома, а когда был, то они с мамой непременно ругались по всякому поводу. В первый раз они чуть не развелись, когда Дашеньке исполнилось полтора годика...

Семейная катастрофа разразилась в один из выходных дней, когда я затаскивала в подъезд коляску с Дашенькой с прогулки. Подходя к двери, я услышала мамин плач:

– Ненормальный! Ничтожество! Опять купил не то, что я просила! Я просила укроп для еды! А ты что принес за двадцать копеек? Для соленья! Ты все делаешь мне назло!

Папиного голоса не было слышно. Я позвонила. Дверь долго не открывали, а когда она открылась, на пороге стоял папа с авоськой. Он грустно посмотрел на меня, потрепал по волосам, пропустил коляску с Дашей в коридор. Поколебавшись, постоял некоторое время, потом решительно шагнул за порог.

– Папа! – заорала я, вцепившись в авоську.

– Отпусти, Надя.

– Ты вернешься?

– Да. Я на работу схожу и вернусь, – он обманывал меня, как наивного ребенка.

– Папа, не уходи...

Мягко выдернув из моих рук авоську, он вышел и аккуратно закрыл дверь.

На кухне тихо выла мама.

Я прошла в свою комнату и тоже заревела. Спустя минуту заревела Даша. Мама вскочила и влетела ко мне, перекрикивая общий рев:

– Ты-то что плачешь? Тебе какое дело? Ты о себе думай!

Эти слова что-то во мне оборвали.

Покормив Дашу, мать усадила ее в коляску и снова за чем-то пошла гулять.

– Проживем и без него. Не мы первые, не мы последние, – заявила она.

Я долго плакала. Потом решила, что нельзя допустить папиного ухода и для этого надо написать ему письмо.

«Милый папочка! Я тебя очень люблю. Без тебя будет очень плохо, и мне хочется, чтобы ты с мамой помирился...»

А вдруг я и для него, как для нее, ничего не значу?.. Надо привести более весомые доводы... Напишу про сестренку, про то, как она нуждается в папиной любви.

Кое-как запечатав эпистолярное произведение в конверт, я вышла на улицу. Невдалеке стояла мама с коляской и рассказывала подруге, какой у нее муж подлец. Меня она не заметила, и я, пройдя вдоль дома, отправилась к папе на рабо-

ту. Я часто ходила к нему в мастерскую.

Дойдя до проходных стройтреста, остановилась. Стекло-  
ные двери под папиным лозунгом «За бережливость и эконо-  
мию!» были закрыты: выходной!

Я отошла от проходных, свернула на тропинку, ведущую к  
строительной площадке. Там села на бетонную плиту, из ко-  
торой торчали куски арматуры. Поплакала. Вынула из кар-  
мана письмо, несколько раз прочитала и, скомкав, выкинула  
в лужу под бетонными сваями.

Вечером того дня папа не пришел домой. И в следующий  
вечер тоже. Зато пришел в гости мамин брат – дядя Слава  
с женой. Они закрыли дверь в большую комнату и долго со-  
вещались, думая, что я ничего не слышу.

– На профсоюзном собрании с ним быстро разберутся! –  
горячился дядя.

– Да что ему твое собрание! Он ведь не как ты, партий-  
ный... – грустно возражал мамин голос.

– Наказать любого могут. У нас тоже один такой допры-  
гался: живо попросили. Был инженером, теперь у станка сто-  
ит.

– Да не надо ничего!

– Слава, – пыталась вставить слово его жена, – по-хоро-  
шему надо. По-человечески помириться.

И они, поговорив, ушли.

Мама, пожелав мне спокойной ночи, закрылась с Дашень-

кой в комнате.

Мне не спалось. Я пошла на кухню и открыла шкафчик с лекарствами. Когда мама волновалась, она пила две желтенькие таблетки валерианы. А что будет, если выпить больше, гораздо больше?.. Я высыпала на ладонь горсть желтых приплюснутых горошин, проглотила и запила водой.

Утром раздался звонок в дверь. Пришли дядя Слава с женой и привели папу, небритого и потускневшего. Мама засуетилась, выставила на стол дефицитную бутылку с закуской, придумали праздник, и жизнь наладилась...

Когда я была маленькой, мне часто снился один и тот же сон. Страшная темнота, из которой появляется сначала крошечный, а потом все больше и больше, ком из грязно-зеленой слизи. Он становится еще больше, почти с меня ростом, и растет, растет, и катится, чтобы задавить меня... Я пытаюсь убежать, но ноги не слушаются, горло сжимается от страха... Из последних сил кричу: «Мама! Мама! Мамочка!» А в ответ неизвестно откуда ее тихий, очень спокойный голос: «Все в порядке, не волнуйся, все хорошо...» Но ком все больше, и я опять кричу, и в ответ все тот же спокойный, ровный голос. Конца этого сна я не знаю, так как всегда просыпалась от ужаса... Терпеть не могу сны, но они мне снятся каждую ночь: с музыкой, цветными картинками, приятные и кошмары всякие. Пока Дашенька не ходила ножками, мне

часто снилось, что я держу ее за ручку и она бежит. Казалось, что этот момент не наступит никогда. Но он наступил очень быстро. Дашенька стала ходить ножками, говорить, петь песенки и ябедничать, если я не исполняла ее желания. Впрочем, ябедничать ей было не обязательно, достаточно было только заплакать, чтобы мама неслась с развевающимися в гнев волосы и обрушивала на меня потоки ругани.

Один раз ко мне со двора зашла подружка, чтобы посмотреть мой новый песенник. Даша потребовала, чтобы с ней поиграли в куколки. Мы отказались. «Сейчас зареву, – сказала Даша. – Считаю до трех. Один, два, два с половиной...» Мы так смеялись! И конечно же, играли с ней, так как играть больше было некому: все были заняты серьезными взрослыми делами.

Мне было интересно с Дашей, хотя наша разница в возрасте составляла девять лет. Я строила ей дворцы; показывала домашний кукольный театр; учила рисовать и устраивала выставки ее рисунков; купала в ванной, пугая рыбой с виляющим хвостом и удивляясь, как она может всерьез ее бояться... Я очень любила сестренку, но мама, хотя и доверяла мне ее, постоянно боялась, что я с ней сделаю что-нибудь плохое; вероятно, поэтому она столь истерично реагировала на каждый Дашин крик и ругала меня, не желая вникать в суть дела. А однажды мама решила со мной доверительно поговорить и сказала примерно следующее: «Знаешь, Наденька, некоторые дети очень ревнуют к своим братикам

или сестренкам. Я знаю случай, когда старшая сестренка выкинула своего братика с балкона, и он разбился насмерть. Ты ведь никогда ничего подобного не сделаешь, правда?» Я пошевелила в знак отрицания головой, и мама оставила меня, не заметив, что ее дочь в шоке. Но не столько от этой жуткой истории, сколько от осознания, что мама ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ мне не доверяет и, следовательно, не знает меня! Она считает меня врагом, чудовищем, которое способно на такие поступки! Почему?..

Вскоре произошел случай, который, вероятно, еще больше укрепил ее мнение относительно меня: когда я катала Дашеньку с горки на санках, она столкнулась с каким-то мальчиком; они перевернулись, и Дашеньку задело полозьями. Она истошно закричала, а ее меховая шапка стала красной. Я схватила сестру и прибежала с ней домой. Мама, увидев Дашу, прошептала:

– Что ТЫ с ней сделала?

Со мной случилась истерика. Я побежала за такси и чуть не бросилась под машину, чтобы влезть без очереди (да, тогда были очереди на такси!). Потом мы поехали в травмпункт... Пока Даше зашивали рану, мать без перерыва укоряла меня. Но что ее укоры! Она постепенно становилась чужим человеком, понятия не имеющим о том, что чувство вины за этот случай будет преследовать меня еще много лет: ведь это я подтолкнула санки!

Как мать все больше не верила мне, так и я все больше уверялась в ее нелюбви. Все чаще я принимала в ссорах сторону отца, а она брала в союзники Дашеньку. При этом мама бдительно следила за любыми моими промахами, радостно сообщая папе: «А твоя дочь...»

Борьба была неравной. Папа перестал утруждаться вхождением в детали и стал на вещи смотреть «философически», приняв на веру все теории матери, что бы она ему ни говорила. А говорить про меня она стала многое: я и лентяйка, и упрямая, и притворщица, и дура, в конце концов.

Постепенно меня перестал радовать домашний очаг, и я все чаще после школы стала задерживаться у подруг или гулять на улице.

Папа, случайно проявив бдительность и мудрость, отвел меня на вступительный экзамен в художественную школу, куда я с успехом была зачислена. «Ремесло художника очень востребовано временем», – аргументировал отец свой поступок. И выписал мне журнал «Юный художник».

# Перемены

С восьмилетнего возраста каждое лето родители отправляли меня в детский лагерь «Ильич» отдыхать. В сущности, это было полезно всем. Я забывала домашние неприятности, а родители вспоминали положительные черты старшей дочери. Лагерь располагался в сосновом бору, на берегу реки Юхоти. Кирпичные корпуса и огромная столовая утопали в зелени; ягоды и грибы дети собирали прямо на территории «Ильича», нанизывали на ниточки и тут же, на верандах, сушили. Кормили на убой, но есть хотелось постоянно. Свободы достаточно: можно было группами, испросив разрешения у вожатой, уйти за ограду и болтаться по лесу или дойти до соседнего сельмага купить сухофруктов. Игры, песни, костры, танцы... Песчаный пляж с полосками голубого ила, чистейшая вода... Много позже я случайно оказалась в тех местах и испытала почти физическую боль, увидев, что лагерь обнесли колючей проволокой, спускавшейся прямо в Юхоть. Но это потом.

Итак, я любила лето и не скучала. Разве что по Дашеньке. Я писала сестре письма с картинками и не ела на полдник шоколадки, откладывая ей в подарок.

Летом 1986 года мне традиционно взяли путевку в пионерский лагерь «Ильич». Увы, отдых сулил быть не самым приятным.

После майских праздников страна боялась и недоумевала. Поползли слухи о страшной масштабной катастрофе, разразившейся в Чернобыле. Из уст в уста передавалась информация о тысячах погибших, толпах беженцев и огромных отравленных территориях земли. Однако газеты на последних страницах сообщили о гибели двух человек при взрыве и единицах случаев со смертельным исходом потом, а о серьезнейшем отравлении окружающей среды не шло и речи. Журналисты описывали события прямо с места происшествия, чуть ли не из самого реактора, а маститые профессора заявляли, что прогулки рядом с АЭС не оказывают на здоровье никакого вреда. Враги-американцы заявляли совсем противоположное, и их заявления рассматривались как происки капиталистов.

Люди старались верить сообщениям ТАСС, но на всякий случай перестали покупать привозные фрукты и выходить на улицу без зонта. Летом 1986 года редко кто купался, ходил в лес за грибами и ягодами, и даже зонтики после дождя мыли с мылом. Говорили, что не надо загорать, а желательно пить водку и йод. Ходили легенды об оставленных на постели волосах и неимоверно разросшихся родимых пятнах, об огромных размеров овощах и двухголовых телятах...

Удивительно! Ждали врагов из-за рубежа, будь то немец-фашист или капиталист-американец, с первого класса тренировались бегать в бомбоубежище в противогазах, в «Зарницу» играли, репетируя нападение, а врагом, напавшим на

наше государство, оказалось что-то свое и невидимое.

Впрочем, в пионерском лагере в то лето никто ничего и не думал запрещать. Мы отдыхали как всегда: просыпались по горну, ходили в лес, купались, играли в «Зарницу». Еще оказалось, что у меня есть голос, и я в составе хора объездила близлежащие города с выступлениями и экскурсиями. Кроме того, мы перестали считаться малышами и стали ходить на настоящие танцы в клубе, в то время как раньше кружились под баян в отряде.

Надо сказать, что в «Ильиче» отдыхали также некоторые мои одноклассники, в частности мальчик Дима Новиков, которому я нравилась. Знала я это потому, что еще во втором классе он прислал мне записку «Я тебя люблю» с тремя орфографическими ошибками. На его признание я взаимностью не ответила, но он, видимо, не терял надежды. И вот, когда мы в клубе танцевали с подружкой Вале́й медленный танец, он подошел ко мне и попытался «разбить пару». Я громко ответила на его просьбу «нет» и во весь голос рассмеялась. Все это видела наша лагерная пионервожатая. Она подошла к нам и со всего маха дала мне пощечину.

– Нельзя отказывать мальчику в танце, если он тебя вежливо просит, – отчеканила она.

Я схватилась за лицо и убежала в корпус.

Случай имел последствия. В новом учебном году неприятности начались с этого мальчика. Он подговорил нескольких ребят помочь ему проучить «зазнавалку» известным

способом – побить. Идею поддержали многие девочки, особенно те, кого я критиковала в стенгазетах.

Но у меня были также и подруги. Поэтому после уроков я выходила из школы с «группой поддержки». Планы Димкины сникли, но поволновалась я сильно.

Следующая неприятность заключалась в том, что нам дали нового учителя по математике. Это была честная, справедливая и снисходительная женщина – Мария Алексеевна. Кроме того, она была заслуженным учителем РСФСР. Свой предмет она знала превосходно и не понимала, как можно его не знать. Поэтому о математике она рассказывала самозабвенно, в быстром темпе, наскоро рисуя примеры на доске и тут же стирая их, так что многие ученики не успевали их переписывать.

Я начала с трудом понимать точные науки. Однако поскольку в остальном у меня были пятерки и я завоевывала призовые места для класса во всевозможных конкурсах, Мария Алексеевна всегда завышала мне оценки.

Еще одна неприятность (тогда она мне казалась наибольшей) произошла по вине бабушки. Однажды рано утром она силой взяла у матери Дашу, чтобы везти на обряд крещения. Мне сказала: хочешь – поезжай с нами, нет – твое дело. Я не могла оставить Дашеньку на поругание одну и поехала с ними. До церкви мы добирались, меняя автобусы, около двух часов. Далее священник нас поливал водой, мазал маслом

и поил «гадостью». Дашенька все это время орала как резаная, а я думала о том, когда же кончится это мучение. После обряда мы вышли за церковную ограду и я, чтоб не видела бабушка, плюнула в сторону церкви и ругнулась матом, что мне было совсем не свойственно. На обратной дороге бабушка осторожно внушала мне, что не обязательно говорить кому-либо о происшедшем. Да я и так никому бы не сказала. Это было для меня позором.

К счастью, никто ничего не узнал, и я с успехом продолжала свою активную «правильную» деятельность: участвовала во всевозможных конкурсах политических плакатов и песни, вела «политминутки» и самозабвенно гладила по утрам пионерский галстук. Учеба в двух школах поначалу давалась легко.

Мой классный преподаватель в худшколе Юрий Арнольдович был такой же оторванный от действительности, как и папа, только хуже. На первое знакомство с нами, учениками, он пришел в черных от грязи, затертых до дыр джинсах, сел на стул, как на коня, и зачесал всей пятерней свою густую, прокуренную бороду, которая, кстати, никак не вязалась с его замаскированной плешинной.

– Какого цвета ствол у дерева? – задал он вопрос.

– Коричневый, – вполголоса прошелестели мы.

– Вот и неверно! Он синий, красный, желтый, зеленый...

К тому же мы видим его прямым только потому, что знаем, что он должен быть прям. На самом же деле все круглое и

выпуклое! — с этими словами Арнольдovich выложил на стол, где располагался учебный натюрморт с покусанными восковыми яблоками, стеклянную модель глаза.

Ну что тут было сказать...

К концу шестого класса учеба в художественной школе настолько захватила меня, что стала казаться гораздо интересней и важней, чем учеба в обычной школе. Тем более что в обычной стали происходить перемены не к лучшему: я потихоньку сползала на четверки и расставалась с подругами. Моя верная подруга Катя (вторая после Маринки, с которой связь оборвалась) перешла в спортивную школу. Уроки стали длиннее, и я с трудом успевала пообедать между школами, да плюс ко всему ввели общественно-полезный труд. Суть его заключалась в том, чтобы некая группа учеников что-нибудь прибрала, вымыла, вычистила... Засчитывались поездки на картофельные поля, чистка парков и т. д. В общественно-полезный труд не входила только уборка классного кабинета, которая была само собой разумеющимся мероприятием.

Таким образом, я постепенно вставала перед выбором: бросить художественную школу и направить все силы на учебу в общеобразовательной школе, участвуя в жизни классного коллектива, или примерно посещать художественную школу. Я выбрала последнее, тем более что там у меня появились замечательные единомышленники.

Чудесную подругу Алину я обрела тоже там. Не передать словами, как весело мне с ней было. Я забывала все домашние неурядицы и сложности в школе. Алина имела самое «непримерное» поведение и самые лучшие оценки по живописи. Она писала в цвете хорошенькие женские головки в шляпках, где тщательно прописывала каждую бусинку. Я так не умела и восхищалась ее талантом. Моим родителям Алина очень понравилась, причем настолько, что мать отпустила меня в зимние каникулы с Алиной на неделю в Москву к ее отцу. Он был давно в разводе с Алининой матерью. Разумеется, чтоб не волновать моих родителей, мы описали его положительно. Впрочем, мы почти и не пообщались с ним в Москве: он ушел на неделю к кому-то, отдав нам ключи от своей квартиры. Чего мы только в Москве не повидали! От обилия дефицитных товаров у нас кружилась голова! Мы уставали кошелек с деньгами доставать! Как-то раз, зайдя в заброшенный магазин, я увидела печенье, за которым в своем городе простаивала часами. Но в Москве оно пылилось на полках, и покупать его можно было в неограниченном количестве! Мы с Алиной взяли по две корзины в руки, завалили их печеньем и прошли к кассам. Покупатели смотрели на нас как на ненормальных. А одна женщина подумала-подумала и робко положила к себе в корзину одну пачку печенья.

Когда мы вернулись в свой родной город на поезде, то не могли выйти из вагона: мой папа с трудом вытащил наши рюкзаки и сумки, а также нас, довольных «охотой» и устав-

ших.

– Пап, представляешь, они там сосиски каждый день едят НЕВАРЕННЫМИ! Им надоел хрустящий картофель! И пепси-кола бывает разной: мы схватили какую-то, а она – диетическая! А Дашеньке я купила дорогую меховую шапку. Интересно, мама отругает?

Мама шапке обрадовалась. Но ругала меня два дня за то, что купила мало колбасы...

За колбасой мы поехали чуть позже в составе нашей художественной группы. Целью поездки, разумеется, была экскурсия, но все прихватили с собой рюкзаки и авоськи. Приехав в Москву, мы бродили от музея к музею, и по дороге непременно кто-нибудь из учеников терялся и находился в ближайшем магазине. Юрий Арнольдович, вероятно, был уже в сговоре с нужными людьми, потому что, зайдя раз в маленький магазинчик, вышел оттуда с рюкзаком, доверху набитым колбасой, в то время как давали только не более двух килограмм в руки. На одной из выставок мы порадовались все: «выкинули» большие коробки конфет «Ассорти». Там же мы увидели картину Малевича «Черный квадрат». Стояли, смотрели, но до сих пор не знаю, что там примечательного. Юрий Арнольдович что-то объяснял нам, и я поняла так, что прежде на месте черного квадрата был шедевр, но автор намеренно замазал его черной краской. Кстати, Малевич рисовал квадраты разных цветов и другие геометри-

ческие фигуры. Были картины, где изображались люди, но тела их тоже напоминали раскрашенные чертежи с преобразованием цилиндров.

Вообще, учась в худшколе, я много чего повидала и узнала; иногда я жила, почти дыша, как мне казалось, воздухом прошлых столетий. Возможно, поэтому меня все больше переставало интересовать то, что происходит вокруг в реальности. В шестом классе я не заметила момента, когда стали исчезать ценные, как раньше казалось, вещи. На учебу стало можно приходить не только без пионерского галстука, но и не в школьной форме вообще; девочкам разрешили носить украшения, что раньше считалось неприемлемым. Я, бывшая ярая моралистка, тоже попросила мать проколоть мне уши, за что получила дозу нравоучений и резкий отказ. Школьное платье мое было куплено на вырост, поэтому и тут я не шагнула в ногу со всеми, продолжая ходить в нем на уроки. Кроме того, многие одноклассницы стали уделять внимание мальчикам, которые для меня были инородными существами. Я считала, что по природе своей не способна нравиться противоположному полу: худая как доска, ноги колесом, прилизанные волосы и картавый голос. Мама давно дала оценку моей внешности: уродина! Она покупала мне юбки ниже колена и кофточки с наглухо закрытым воротом своих любимых цветов: вишневых, коричневых и темно-синих. Я целиком и полностью полагалась на ее вкус, думая, что хуже уже не будет, и даже не расстроилась, когда однажды она

отвела меня в парикмахерскую и мужской мастер подстриг меня под мальчика... Да, мой отрыв от коллектива был полным!

Дома дела обстояли не лучше. Родители постоянно ругались, угрожая друг другу разводом. Маму раздражало все, а отец защищался удивительным пофигизмом. Для детей у них оставалось крайне мало времени. И если у Даши для игр и общения была я, то мне дома словом не с кем было перемолвиться. Чтобы не выть, я пела, как папа, песни, но не только народные, как он, а все что попадалось. Но даже соседи не стучали в стенку, когда я со всей мочи кричала:

Ален Делон, Ален Делон – и пьет одеколон.

Ален Делон, Ален Делон пьет двойной фургон...<sup>3</sup>

Таким образом, я все больше изолировалась от окружающих.

---

<sup>3</sup> Перевернутая песня «Взгляд с экрана» группы «Наутилус Помпилиус».

# Новая школа

Во время летних каникул учеба в художественной школе не прекращалась: у нас был «пленэр», и мы с палатками выезжали на природу. Впрочем, после шестого класса я уехала на два месяца в пионерский лагерь: на папиной работе последний раз дали путевку.

На второй неделе отдыха в «Ильиче» мне пришло письмо от родителей, где они сообщали, что я переведена в другую общеобразовательную школу, ближе к дому. Ни особой тревоги, ни особой радости по этому поводу я не испытала.

Новая школа встретила неласково. Самой главной отличницей и лидером в классе из девочек оказалась давняя знакомая по детскому садику – Наташа Мухина. Она меня ненавидела всем сердцем, а я ее презирала. Как-то раз в детсаде, в старшей группе, на нас, детей, обидно и несправедливо закричала воспитательница. Я обозвала ее «дурой», за что получила подзатыльник, была поставлена в угол и расписана в красках перед родителями. Мне было горько, а никто из ребят не выразил сочувствия и тем более не разделил со мной наказание. Спустя два дня, когда я, пережив нравоучения мамы, почти проглотила обиду, ко мне подошла Наташа Мухина.

– Ты молодец! – сказала она. – Воспитательница действительно дура.

Ко мне «смешинка в рот попала». Я, нажившая сильного врага в виде воспитательницы, пережившая два дня издевательств, чувствовала себя героиней, а она, подлиза и трусиха, хочет примазаться к моему подвигу!

– Скажи ей об этом сама, – предложила я весело.

Она молчала.

– Тогда я скажу, что ты сказала.

В ответ на мои слова ее веснушки побледнели так, что их не стало видно.

– Надя, не говори. У меня красивые бусинки есть, я тебе их подарю, только не говори.

Такого поворота событий я не ожидала, но идея мне понравилась:

– Неси.

Мухина принесла на следующий день бусинки, потом – другие, в следующий раз – платишко для куколки, и так далее...

А меня, невольную шантажистку, занимала эта ситуация, и я не упускала случая периодически напоминать:

– Сейчас скажу...

Разумеется, когда после детсада группа разошлась по школам, Мухина вздохнула с большим облегчением.

И надо же мне было попасть в класс, где она числилась лидером! Расплата началась тут же. Не прошло и недели, как некоторые из класса захотели избить новенькую, то есть ме-

ня.

Но одно обстоятельство изменило их планы: я с отличной учебы резко скатилась на двойки. Классная со смешной фамилией Небодаева тут же «припечатала» меня позором:

– Школа переполнена, и взяли тебя, чтобы повысить показатель успеваемости! В твоём табеле четверки и пятерки, а ты глупа как пень!..

Небодаева вела уроки русского языка и литературы, писала заметки в газеты и не уставала подчеркивать принцип гласности, провозглашенный Горбачевым.

Она была права. В прежней школе учителя завышали мне оценки (а Мария Алексеевна ставила их вообще ни за что), и я давно отстала по всем предметам. Изгой в классе обратили внимание на мою персону, а Мухина получила частичное удовлетворение. Некоторые стали говорить со мной и даже принимать в свои компании. Однако я продолжала жить не по их понятиям: училась в художественной школе и всегда успевала исправлять двойки на тройки.

Кроме того, я редко участвовала в общественно-полезном труде, который был всеобщей повинностью. А редко потому, что Небодаева приноровилась эффективно использовать мои художественные способности. Ее дочь ходила в детский садик, и, желая обрести ласковое внимание воспитателей, учительница подвизалась оформлять актовый зал моими руками. Мне это было не в тягость, а одноклассники завидовали.

Еще я отлынивала от уборки классного кабинета, святого дела. У меня была уважительная причина – художественная школа. Правда, всем на эту причину было «до лампочки», и Небодаева упрямо включала меня в «дежурные бригады».

И вот как-то раз именно такой бригаде, состоящей из четырех человек (Светы, Вари, Юли и меня), предстояло сделать в классе генеральную уборку.

– Мне некогда, – сразу заявила я. – У меня занятие через час.

– Мы должны вымыть пол, – заявила умная активистка Юля.

Меня осенила идея:

– Можно поделить класс на четыре части, и каждый вымоет свою. И отвечать будет за свою часть.

Юля согласилась и поделила класс на четыре части. Я взяла веник, подмела свою территорию и направилась к двери.

– Куда? – Путь мне преградили все трое.

– В школу надо.

– Нам за тебя двойку поставят, иди мой.

– А вы свои части мойте на пятерку, а по поводу моей не переживайте: я учительнице все объясню, пусть мне двойку ставит.

Юля взяла швабру наперевес:

– Мой сейчас же!

Она не знала, что мать ежедневно заставляла меня убирать квартиру таким же тоном, и мне всегда хотелось отве-

тить: «Я не могу, не хочу сейчас». Одноклассница – не мать, и ей я могу ответить.

– А я сейчас не хочу!

Все опешили.

Ну, решила я, теперь они меня все равно из класса не выпустят, в худшколу я так и так опоздаю, так хоть дам волю своим чувствам. Медленно, с гордо поднятой головой я подошла к окну, элегантно привстала на цыпочки, уселась на подоконник и поправила складочки на подоле платья.

– Теперь я не спешу. Но буду мыть, когда захочу. И вы мойте, когда захотите. И чего хотите.

Девчонки помолчали. Потом, посоветовавшись между собой, по очереди принесли тряпки, ведра с водой, веники и прочие причиндалы. Полкласса были Юли и Светы, и мыть им было удобно. Другие полкласса – часть моя и Варина. Оказалось, Варе одной неудобно мыть. Она стала просить подруг о помощи. Они ей в помощи отказали, но указали на недостатки:

– Под той партой – одни разводы, перемывай, – сказала Юля, а Света ей поддакнула.

И тут в голове у Вари тоже что-то шелкнуло:

– А не пошли бы вы... – неожиданно произнесла она и уселась на подоконник рядом со мной.

Варя стала моей лучшей подругой.

С первого взгляда она была очень некрасива, со второго

– недурна, а с третьего в ней обнаруживалось сумасшедшее обаяние, затмевающее все ее физические недостатки. Варя подкупала своей жизнерадостностью, своей легкостью по отношению к жизни. Ум ее не поддавался анализу, и часто я думала, а было ли что там анализировать, но ее энергия и любовь к жизни, а также природная интуиция восполняли все пробелы.

Отец ее был законченным алкоголиком еще задолго до перестройки, но каким-то образом работал на мебельном комбинате сверловщиком. А еще раньше он был бригадиром и получил медаль «За трудовое отличие», висел на доске почета и вызывал всеобщее уважение. Любил читать классику и обожал Маяковского. Что в голове у него переключилось – неизвестно, только допился он до того, что во время антиалкогольной компании с комбината его выгнали, а так как тунеядство постепенно переставало считаться преступлением, он припеваючи зажил на шее у законной жены, упрекая ее в тупости и необразованности. Варина мать, вкалывая на заводе за двоих на станке, больная и уставшая от жизни женщина, как могла тащила детей (Варю и ее сестру Любу), ни в чем не переча мужу. Естественно, она не сильно вдавалась в их учебные проблемы. Моей учебой тоже давно никто не интересовался.

Варя училась плохо, а связавшись со мной, стала учиться еще хуже. Мы с ней наперегонки бравировали своими неудачами и пренебрежением к учебе. Прогоулы уроков ста-

новились для нас привычным делом.

Однако прогуливали мы с пользой: бежали к началу открытия главного универмага «Юбилейный» и занимали сразу несколько очередей, ожидая выброса дефицита. Деньги у нас были, как, наверное, у многих в то время. Мы покупали все что попадалось: от трусов до зимних пальто. Но купить что-то было большой удачей.

Нам с Варей нравилось шастать по пустым магазинам в надежде что-то купить; я показала ей лаз на военную территорию, и мы еженедельно наведывались в тамошние магазины, полные дефицитных продуктов. Мама, как заведено, специально оставляла на эти случаи деньги.

Раз мы с Варей зашли в видеосалон, открывшийся при Дворце культуры, и с открытыми ртами посмотрели фильм про красивую жизнь ТАМ. Это был фильм «до шестнадцати», и мы увидели ТАКОЕ! Сюжет фильма недопоняли и долго недоумевали по поводу того, как на главную роль могли взять такую «нефигуристую» героиню. Мы, считавшие себя некрасивыми (внешне мы чем-то походили друг на друга), и то смотрелись бы гораздо лучше. Гипотетически, конечно.

Вскоре о моих прогулах и двойках стало известно родителям. Они приняли меры: запретили смотреть сериал «Рабыня Изаура». Это была первая мыльная опера ОТТУДА, появившаяся на экранах наших телевизоров. Я очень страдала поначалу, а потом нашла выход – смотрела сериал у Вари. Родители, узнав об этом, объявили мне бойкот и хоте-

ли еще как-то наказать, но очередная ссора между ними помешала осуществить задуманное. Причиной их разногласий явился на этот раз холодильник. Мы давно стояли в очереди на его покупку, и наконец-то дефицит завезли в магазин бытовой техники. Новость облетела жаждущих, но, к сожалению, дома в тот момент оказался только папа. Он не раздумывая взял отложенные деньги, побежал в магазин, отстоял там очередь и купил холодильник. Мама, придя с работы домой, пришла в негодование: она хотела холодильник, но не такой! По ее мнению, следовало пропустить очередь, переписаться и ждать нужный вариант. Увы, ситуация была непоправима. Родители поорали друг на друга, и папа вечером ушел на работу (начальство, видать, входило в его положение и впускало через проходные в любое время дня и ночи). Опять запахло разводом. Папа не пришел ночевать, и на следующий день я пошла к нему в мастерскую, куда уже пропускали меня беспрепятственно. Отец спал на узеньком диванчике, сделанном им собственноручно из остатков разломанных стенов. На полу простирался огромный лозунг: «Трудящиеся Советского Союза! Боритесь за осуществление экономических реформ, внедряйте полный хозрасчет, самофинансирование, аренду и кооперацию!» Я аккуратно обошла папино произведение и склонилась над отцом:

– Папа!

Он не отвечал.

– Папочка!

Он открыл глаза и, глубоко вдохнув, выдохнул. Я чуть не зажала нос от неприятного для меня запаха.

– Папа! Ты пил?

– Надя, я устал. Я люблю тебя и Дашу, но с вашей матерью жить невозможно. Я разведусь и уеду на родину.

– Пап, ты ее знаешь. Покричит и отойдет.

– Она тебя прислала?

– Нет, я сама. У нас отменили два урока. Дай, думаю, зайду. Может, чаю попью.

– Конечно, конечно... – папа трясущимися руками схватил чайник и поставил на старую плитку, принесенную из дома. – Всю ночь писал, чертил... Дорожные знаки еще принесли, разодранные в дым. Представляешь, какую силу надо иметь, чтоб знак сломать? Раньше такого не было, а теперь каждую неделю несут. Народ совсем дикий... Ну, а у тебя что в школе?

– В школе? Ничего особенного. А знаешь, мне тут книжку дали почитать. Про Сталина. Там ТАКОЕ написано! Думаешь, правда?

– Не знаю. Время покажет. Вот, говорят, Высоцкий – алкоголик. А это не так...

– Я маме сказала про Сталина, а она говорит, что правильно сажали, что эти люди – настоящие преступники.

– Может, мама и права. Устами младенца глаголет истина. А твоя мать как ребенок. Потому и оставить ее не могу. Пропадет, глупая! Вот увидишь, я правильно холодильник

купил, потому что скоро холодильников не будет вообще!  
Папино предсказание сбылось.

# Тяготы

Жизнь стремительно менялась.

Скоро не только холодильники, но и продукты в магазинах стали пропадать совсем. На военной базе прилавки опустели, а вход в нее перестал охраняться: видимо, магазины и были объектом охраны.

Потом продукты и товары обзавелись двойной ценой: прежней, к которой привыкли покупатели, и «кооперативной», которая превышала прежнюю в пять – десять раз. На прилавках кое-что появилось, но не все могли это кое-что купить.

Некоторые кооперативные промтовары были гораздо красивее тех, что делало государство «по плану». Так, мама купила дорожные туфли в обувном кооперативе, и на них ушла практически вся ее зарплата. Она обувала их по великим праздникам, передвигая ногами очень-очень плавно, приходя в расстройство от каждой нечаянной царапины на каблуке. При этом шептала: «Надо же, и нигде не трет!» Папа, видя, что зарплата хватает лишь на пару туфель, загрустил. Его ремесло переставало пользоваться спросом: никому не нужны были ни призывы, ни лозунги. Сошли на нет обязательные демонстрации и всенародные гуляния. Папа попробовал писать художественные картины, но людям было не до прекрасного. Денег домой он приносил все мень-

ше, а мама о них думала все больше. Скандалы в доме стали ежедневными и изматывающими, а папа все чаще приходил «с запашком», вновь вызывая огонь на себя. Родители ругались так сильно, что я была почти счастлива, когда они вместе ругали меня, хоть я при этом легко входила в истерическое состояние, плакала и отвечала руганью. Матери я боялась настолько, что вздрагивала при звуке ее голоса. Я перестала знать наверняка, что она думает. Ее воззрения менялись ежедневно. Так, она с восхищением стала говорить о спекулянтах, особенно после того, как один из них (из нашего подъезда) купил машину. А ведь не так давно она ездила в Москву за зимними сапогами и простояла на морозе в очереди полдня. За несколько человек до нее закончился нужный размер, и мама вышла из очереди. Когда папа встретил ее, рыдающую, на вокзале, то улыбнулся: «Оля, ну взяла бы ты хоть какие сапоги, а на барахолке обменяли бы».

– Что я, проклятый спекулянт что ли? – отвечала мама.

А теперь она думала о них хорошо.

Кроме того, она вдруг стала верить в сверхъестественные силы, что ранее казалось невозможным. Иногда в доме заводились такие разговоры матери с отцом:

– Вот, Николай, денег у нас все меньше, ты пьешь... надо бы сходить к одной бабке. Она с тебя порчу снимет.

Отец отвечал:

– Оля, отстань... Это в тебе черт сидит. Ты в Бога не веришь, а в порчу уверовала. Посмотри на себя: с тобой пове-

ситься можно.

Мама после таких слов переходила на крик, и все узнавали о том, что это с папой можно повеситься, что он художник от слова «худо» и верит в летающие тарелки, которые, как мама надеется, когда-нибудь заберут его к чертовой матери. Я в такие минуты сидела, заткнув уши указательными пальцами, а Даша плакала. Иногда семейные разборки настолько выбивали меня из колеи, что даже привычные средства успокоения: кино, книги – не помогали. Да и книги, и кино в кинотеатрах стали такими, что наполняли кровь адреналином. Проституция, наркотики, мафия... Оказалось, у нас это все есть чуть ли не в соседней квартире. То ли дело раньше: сказки, индийские фильмы... да хоть «Рабыня Изаура», которую толком посмотреть не дали. К счастью, ее позже повторили. Наверное, по просьбе трудящихся. Кстати, телевизионные программы становились гораздо разнообразнее, чем в годы моего лучезарного детства. Так, по вечерам папа обязательно смотрел программу «Прожектор перестройки», где вещали об экономическом расцвете после реформ и показывали счастливые лица тех, чья скотина давала огромные удои. После «Прожектора» выходили в эфир «600 секунд», где ведущий, брызгая от негодования слюной, описывал найденные расчлененные трупы, значащиеся в милицейских сводках, и толсто намекал на мафию, захватившую власть. Около полуночи пускали программу, где транслировали забастовки трудящихся и доставалось всем политикам

(гласность!). Увы, программа прожила недолго: ее инициатору неизвестные всадили пулю между глаз.

Правительство провозгласило переход к рыночной экономике, очертив курс на демократизацию общества. Что стояло за этими словами, мало кто понимал. Демократию расшифровывали как полную свободу – делай «что хошь», а рынок – как «поезд в капитализм со звериным оскалом». А про гласность кричали и депутаты, и пьяный мужик, матюгающийся при детях. Мели, Емеля, твоя неделя! В основной своей массе люди понимали гласность примерно так же, как и Небодаева: «говорю что думаю», – забывая, что иногда полезно сначала подумать, а потом говорить.

Везде ругали правительство и Горбачева, все стали нервными; ежедневно происходило что-то из ряда вон выходящее.

В нашем подъезде скончалась бабулька: оказалось, ее, ветерана Великой Отечественной войны, обделили гуманитарной помощью, пришедшей из Германии. Вопиющая несправедливость поразила ее в самое сердце.

А у соседей через два дома от нашего прорвало канализацию, и целую неделю все нюхали амбре. Жители злополучного дома ходили с плачущими лицами по всем инстанциям, укоряя нас, соседей, за бездействие.

Как-то раз, проходя мимо недавно построенного «Полета», я лицезрела драку. В тот день в кинотеатре проходила «встреча общественности с религиозными деятелями горо-

да и области». Заодно показывали фильм «Воскресный день в аду». Не знаю, как связаны драка, встреча и фильм, но фильм, наверное, интересный.

В довершение ко всему в пристройке рядом с тем же «По-летом» открыли «цех по обработке мраморных и гипсовых плит». Пыль оттуда полетела такая, что пройти рядом без противогаза или на худой конец без респиратора было невозможно. Это обстоятельство, вероятно, кого-то так достало, что пристройку вскоре подожгли, и «Полет» не сгорел только чудом.

В головах людей путались понятия, принципы и, самое главное, – уничтожалась главная идея, ради которой существовала нация. Статью Конституции о «главенствующей роли КПСС» отменили, «мир во всем мире», о котором говорили девочки Саманта Смит и Катя Лычева, вроде настал: в США перестали видеть противника. Люди получили возможность сравнить жизнь ТАМ и ЗДЕСЬ, и увидели, что капитализм не так ужасен, а социализм не так хорош. Более того, многие захотели жить, как ТАМ, взяв за основу заманчивую идею – деньги. Но деньги шли в руки избранным...

Большинство людей уже не только не мечтали о светлом будущем, но и переставали верить в завтрашний день. Уто-нувшая советская подводная лодка с атомным реактором волновала людей куда меньше, чем цена на хлеб, пока незаметно, медленно, но верно поднимавшаяся каждый день.

Жить становилось все хуже. Кого винить?

Крайние нашлись. Это были те, кто жил рядом, но чем-то отличался: внешностью, языком, обычаями... национальностью, в конце концов.

Еще в 1987–1988 годах республики стало лихорадить. Советская дружба рушилась. Армяне устроили резню азербайджанцам: около трехсот азербайджанцев было зверски убито, среди них женщины и дети. Около 250 тысяч азербайджанцев, курдов, русских было изгнано из Армении. И даже когда Божья кара настигла армян, обрушив на них землетрясение, где погибло более 25 тысяч людей, армяне не вразумились. Но азербайджанцы не остались в долгу: в январе 1990-го они устроили двухдневный погром, соревнуясь с недругами в жестокости. Советская армия ввела в Баку войска.

Все чаще раздавались антисоветские лозунги в Тбилиси и выяснялись отношения в республиках Советской Прибалтики, все чаще можно было услышать разговоры о том, что нас, русских, притесняют. У кого родня, у кого просто знакомые, жившие в других республиках, стали вдруг возвращаться на родину. Они называли себя «беженцами» и с ненавистью рассказывали о ранее дружественных народах. В свою очередь, в городе подымалась волна неприязни ко всем «нерусским», а в первую очередь – к «лицам кавказской национальности». Они торговали на рынках дорогими фруктами и клеились ко всем русским девочкам. Наступила фаза тревожного ожидания, нарушаемая редкими вялыми стычками «на почве национальных конфликтов».

Стычки эти – обычно избиения поздних прохожих, у которых вдруг оказывался слишком загорелый цвет кожи или разрез глаз не соответствовал стандартному. Так, сильно избили одного щупленького мужчинку, который, как оказалось, с детства жил в нашем городе и усыновил вместе с женой десять русских детей.

– Смотри, шатаешься вечерами, – сказала как-то мама моему отцу, – а ведь ты мордвин. Нерусский!

Папа засмеялся:

– Я же паспорт всем не показываю. Внешность – русская, фамилия – тоже. Между прочим, мать моя – чистая русская, а отец – наполовину русский, наполовину мордвин. Так что я мордвин на одну четверть.

– Значит, я – на одну восьмую? – вмешалась я. – И в паспорте мне могут написать, что я мордвинка?

– Если ты этого захочешь.

– Тогда я захочу.

– Еще чего! – набросились на меня оба родителя. – Не вздумай! И другим поменьше болтай.

Я радовалась, что вызвала их раздражение на себя, и, естественно, ничего не болтала, искренне волнуясь за папу, когда он пропадал дольше обычного. Повод для волнения был: один раз папу ударили по лицу и вырвали сумку из рук, едва он вышел из проходных стройтреста. В тот день выдавали зарплату.

Впрочем, избить могли и просто так, «пар выпустить».

Потому что почти прекратились по городу обычные милицейские патрули: бензин милиции выдавали по норме, и сверх нее взять было неоткуда. Телефонные автоматы на улицах в лучшем случае просто не срабатывали, в худшем — тоскливо краснели с вывороченными трубками.

В автобусах ездить можно было, только заткнув уши: все ругались. Жители правого берега Волги злились на жителей левого берега за то, что на их комбинате зарплаты были выше, а в магазины продукты завозили чаще; бюджетники завидовали тем, кто работал в коммерческих структурах; покупатели презирали торгашей... Все тихо ненавидели москвичей, которые ввели у себя особые карточки на товары. Правда, мой отец оказался удивительно шустрым: он изготовил две такие карточки, и они с мамой съездили в Москву, привезя продукты, как в былые времена. Папа подделывал потом также и наши провинциальные карточки, выписывая черной тушью слова «рис», «греча», «сахар» на полях тисненой бумаги в книжке покупателя. Мама, впервые восхваляя его талант, вырезала эти квадратики, чтоб никто не догадался, из какого они места, и отоваривала при возможности в магазине.

# Последние годы школьной учебы

В 1990 году я получила два диплома: один о неполном среднем образовании (при этом мы странным образом, пропустив восьмой класс, закончили девятый), а второй – об окончании художественной школы. На выпускном в последней я плакала, расставаясь с одноклассниками. Алина уехала учиться дальше в другой город.

В общеобразовательной школе обучение было продолжено. Варя тоже каким-то чудом сдала экзамены и была зачислена, как и я, в десятый класс.

Родители совершенно перестали меня контролировать. Вопрос «где взять деньги и что поесть» стал для них наипервейшим. Свободное время они посвящали кто чему: папа – посиделкам с друзьями, мама – просмотру мыльных опер. Также мама увлекалась всевозможными сеансами экстрасенсов по телевизору: один из них гипнотизировал и излечивал от рака и энуреза, а другой – заряжал энергетикой мази, кремы и трехлитровые банки с водой (к слову, оба проходимца потом подались в депутаты).

В город понаехали всякие религиозные секты, организовывая зрелищные собрания. Мама, беря Дашу, посещала и их. Один раз я сходила с ними, но с корыстной целью: какие-то свидетели Иеговы раздавали бесплатно библии. Сколько человек, столько и библий. Мне досталась. Во-

обще-то, я примерно знала, что это за книга. У бабушки такая была. Оттуда она выписала мне, как только я научилась читать, молитву «Отче наш» и сказала, что это помогает во всех случаях жизни. Кроме этой молитвы у бабушки в тетради была еще куча молитв, каждая для своего случая: от зубной или головной боли, от пьянства, от сглаза и порчи. Что-то там про алтын-камень и буйный ветер. Потом надо было плевать, говорить «Чур меня!» и что-то куда-то закопать. Я решила, что мне хватит одной молитвы – «Отче наш». Иногда помогала.

Я всегда любила читать. Читала все что под руку попадалось, читала за столом, в ванной, ночью под одеялом. Меня ругали за это, а я не могла оторваться, если попадалась интересная книга. Библию, взятую у иеговистов, прочитала неосознанно, как набор историй древнего мира. В Евангелии нашла что-то необъяснимое, что заставляло возвращаться к этой книге. Но в юности обычно есть другие заманчивые вещи...

После школы я и Варя часто гуляли по Набережной.

Надо еще сказать, что такое Набережная в нашем городе. Это длинная улица вдоль реки Волги, вальяжно пролегающей через весь город, где тусуются разного рода граждане. В будни по утрам это старички и старушки, наслаждающиеся прелестным пейзажем; днем это молодые мамы с колясками и детьми, передвигающимися самостоятельно; по вече-

рам же, часов где-то после семи, а особенно по выходным по Набережной прохаживаются люди, желающие познакомиться, иногда – не только с противоположным полом. (В одном из выпусков областной газеты «Золотое кольцо» сообщили, что это очень даже нормально, что «гомосексуализм глубоко заложен в личности человека»! А мы жили и не знали, что есть такое слово на букву «г», и за это «г» в СССР реально сажали в тюрьму!) Впрочем, к нам все это не относилось, как не относилась и другая категория граждан, внезапно появившаяся на самой людной улице в одно сентябрьское воскресенье 90-го. Это были дядечки и тетечки, преимущественно пенсионеры и студенты, с «активной гражданской позицией». Сначала прошла группа манифестантов с требованием отправить правительство в отставку и завершить экономическую программу «500 дней»; следом за ними выбежали семь человек, размахивая флагом СССР, который тут же, на берегу, сожгли. Вечером того же дня по Набережной ходила, крича «Россия – русским!» компания пьяных, бритых наголо людей. Все завершилось приездом милиции, которая появилась через час после того, как все разошлись.

Нас с Варей общественные настроения волновали мало, и гуляли мы после семи исключительно с целью «наклеить» каких-нибудь парней. Мы с ними общались (самым невинным образом) вечером-другой, они нас катали на качелях в сквере, реже – водили в кино или видеосалон, и на этом обыкновенно все заканчивалось. Думаю, причина была во

мне. Я была настолько закомплексована, что не могла ни слова вымолвить человеку мужского пола, если только он не приходился мне отцом или не являлся одноклассником. Можете себе представить картину: парень спрашивает девушку: «Какое ты будешь мороженое – шоколадное или ореховое?» – а девушка молчит, потупив глазки. Он спрашивает еще раз – результат тот же. Что после этого парень должен думать? Варя говорила, что у нее потом неоднократно интересовались, нет ли у меня в голове дефектов.

Наверное, для Вари я была мучением: кроме того, что я не умела общаться с противоположным полом, я не ходила никуда в гости, если нас звали, не умела пить алкогольные напитки, курить и ругаться матом, а одевалась вообще как не понять кто. Но тем не менее она меня терпела: во-первых, потому, что у нее не было больше подруг, во-вторых – я побольше, чем она, соображала на уроках, а в-третьих – с ней мы очень много и обо всем говорили, доходя до исповеди. Это последнее обстоятельство и явилось самым главным и надежным звеном в цепочке наших долгих взаимоотношений.

Мне, как и Вале, всегда было не с кем поговорить и посоветоваться. С ней же даже самые жуткие проблемы казались мелочью: у Вари все выходило легко и забавно.

– Представляешь, Надь, привожу вчера домой ухажера. Ну, того, помнишь? Парашютиста. Сидим в моей комнате, чай пьем. Сеструха, Любка, ужинать на кухню ушла, папаша

дых пьяный. Все тихо-смирно. Вдруг – дверь открывается и влетает в нашу комнату сестра. Кричит: «Спрячьте!» – и в шифоньер запрыгивает. Далее в дверях показывается Виталич, отец хренов, вся харя капустой обвешана, а в руках – нож, которым мясо режут. И кричит: «Убью!» Я гляжу на кавалера и думаю: сейчас описается. Он же не знает, что у нас такие представления через день да каждый день. Ну, я так спокойно говорю Виталичу, мол, что случилось... Знаешь что? Я потом чуть со смеха не умерла! Он, оказывается, проспался и к Любахе на кухню пришел нравоучения читать. А она ему в лицо тарелку со щами плеснула. Ну, а дальше картина ясная. Одно только плохо – нет у меня теперь кавалера. Я ему на завтра свидание назначила, а он сказал, что всю неделю, а может, и больше занят будет. Трус.

Я представляла Варину трагикомедию и, смеясь, думала: я б тоже к ней на свидание не пошла.

– А вот что бы было, если б поженить моего папашу на твоей мамаше, а мою маму за твоего отца замуж выдать? – Варя дальше развивала хохму. – Представляешь: моя мать с твоим отцом живут душа в душу, не ругаются; а мой отец с твоей матерью...

Мы обе залились в хохоте.

– Да они бы убили друг друга в первый же день! Например, сковородками! – загибаясь от смеха, предположила я.

Тирания матери по отношению ко мне заходила так дале-

ко, что приходилось избегать ее поучений не только днем, но и ночью. А куда я могла пойти ночью? Только к Варе. Мать ее, тетя Валя, была тихая, на все согласная женщина и во мне души не чаяла. Виталич же, Варин отец, испытывал ко мне особую симпатию и пьяный неоднократно признавался в любви.

Моя мама, вероятно, ревновала к столь завидному жениху и, когда я возвращалась домой, обзывала меня как только могла; на все буквы алфавита, начиная с «б». Папа скромно молчал и лишь иногда, набравшись неизвестно откуда взявшейся храбрости, пытался урезонить ее. Моя любимая младшая сестра – жертвенный ягненок, ходивший в старшую группу детского сада, – всегда при этом плакала.

Я разрывалась между ней и родителями, но ничего не могла изменить. Притом мама считала меня настолько испорченной, что перестала оставлять Дашу наедине со мной.

Однажды, после очередной домашней нервотрепки, я ушла с Варей на Набережную. Там мы сели на скамеечку, и я, вспомнив пережитую обиду, заплакала.

Я чувствовала себя самой несчастной на свете. Нет, не какой-то непонятой, непризнанной, а именно несчастной. Я не чувствовала любви родителей: папа всегда пребывал в неземном пространстве, свято веря в теорию, что одно только звание родителя является неизменным доказательством любви к ребенку, – и не важно, доказывается ли это чем-

нибудь другим. Мать – женщина, которой самой природой предназначено быть нежной, ласковой, любящей, – целовала меня в лоб только в дни рождения, словно боясь одарить лишним поцелуем, и ругала за каждую провинность, совершенно не выбирая выражений. Да и между ними любовь, ради которой они создавали семью, была утеряна.

Но я бы никогда не почувствовала себя несчастной, если бы не была счастлива. А я была. До рождения сестры мы всей семьей каждый отпуск вместе отдыхали на юге, мама была щедра на объятия и ласки, папа баловал своим вниманием и вникал в любую мою мелкую проблему. Может, это потому, что у всех был образ прекрасного будущего? Вот-вот, близко-близко... Вот уже стали специалистами, получили вожделенную хрущевку, обставили, деньги есть, все стабильно, страна – лучшая в мире, все лучшее – детям... Эпоха застоя – так назовут эти годы.

Что сломалось? Сестра, наверное, даже не знает, какой прекрасной и женственной была наша мама...

– Ну и наплевать. Они еще пожалеют... Они мне тоже не нужны, – еще горче заплакала я.

– Закури, – предложила Варя, баловавшаяся этим уже около двух лет.

Она протянула мне прикуренную сигарету.

Я взяла, крепко затянулась и закашлялась.

– Ничего, привыкнешь, – констатировала Варюха, стукнув мне между лопаток. – Зато помогает расслабиться. Бывает,

Виталич нажрется, так достанет, что думаешь: сдох бы, что ли... Я бы только «слава Богу» сказала.

– Знаешь, Варя, я ведь крещеная, меня бабушка крестила... И я верю, что Бог есть. Сначала не верила, и крестили меня почти насильно. А потом, может, через год, начала молиться. Чтоб Дашенька не болела, чтоб родители не ругались... Потом я заболела. По всему телу лимфоузлы увеличились, руки поднять больно было. Месяц лечили и направили на операцию. Тогда я каждый вечер стала «Отче наш» читать. Через неделю все исчезло, а врачи долго удивлялись. Так что Бог существует. Я одного только не пойму: почему Он то помогает, то нет? Почему, к примеру, Он не сделает мою маму доброй, а твоего отца – трезвым? Почему столько гадких людей живет, а умирают маленькие дети? Получается, что все по воле Божьей, а человек – пылинка. И до меня ему сейчас дела нет.

– Да, Бог если и есть, то не про нашу честь... Но я-то с тобой! – Варя ободряюще толкнула меня в плечо. – Не плачь, я твой гороскоп на эту неделю читала: все будет замечательно: романтическая встреча, прибыль и конец неприятностям!

Я кашлянула.

Подошли два мальчика в тренировках с обвисшими колленками:

– Можно к вам присесть?

– Нельзя, – огрызнулась Варька. – Видите, у человека горе.

– Мы можем утешить, – сказали они и уселись рядом.

Через месяц, не в силах обходиться «стреляными» сигаретами, я стала покупать курево по договорной цене сама, выпрашивая деньги у отца тайком от матери.

Водку мы с Варей попробовали тогда же, на Варином дне рождения. Из приглашенных были Варя и я. Мать ее работала сутками, сестра где-то пропадала, а кавалеров мы позвали, но они сказали, что не придут. Потому что мы «маленькие». Так они сказали. Мы не очень-то расстроились и классно посидели вдвоем, закусывая спиртное картошкой с огурцами. Хлеба не было, потому что некому было выйти постоять в очереди в семь утра, тем более что в магазине самообслуживания происходило чуть ли не убийство: пробивали не более одной буханки и двух батонов в руки, а бабульки, уезжающие на дачу, хотели взять с собой большее количество булок. В результате они прорывались к прилавку, хватали сколько могли батонов и закусывали. Да... Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно... Водка нам обоим не понравилась. Сыграв в картишки пару раз, мы задумались, чем бы заняться.

– А пойдем вечером на дискотеку, – предложила Варя.

На дискотеке мы не были ни разу. Ходили гулять, посещали сквер, иногда видеосалоны, но на дискотеку ни разу не ходили. Честно сказать, было боязливо: мы не умели толком танцевать, да и одежда была неподходящая. Да и денег не

было. Но спиртное придало решимости.

– Пойдем, – согласилась я.

Вечером мы приоделись, накрашились, взяли деньги, подаренные Варе матерью, и пошли.

Ближайшая дискотека располагалась в «Полете». Этот не так давно построенный кинотеатр уже утратил блеск новизны. Главный вход удивлял грязью и ветхостью: штукатурка с фасада обвалилась, а ступени в нескольких местах были разбиты. Будка для продажи билетов вообще походила на сортир. Рядом с кинотеатром планировался, вероятно, ресторан: под него начали было закладывать фундамент, но не закончили; потом на этом месте была построена сарайка, в которой делали надгробные памятники; потом сарайку сожгли, и на этом месте осталась куча мусора. Шикарный зал для просмотра широкоформатных фильмов был закрыт, малый зал использовался как видеосалон, куда мы изредка заходили, а дискотека располагалась с бокового входа и по вечерам являлась самым оживленным местом.

Туда-то нас и занесло. Купив билеты, мы зашли в зал. Яркая темнота, невероятный грохот и такие клубы дыма, что хоть топор вешай. Чтобы придать уверенности походке и решимости взгляду, мы с Варькой прикурили одну сигарету на двоих. И тут из темноты выплыла знакомая рожа:

– Надюх! Ты ли это?

Я с трудом узнала Димку Новикова, желавшего расправы со мной в пятом классе. Как ни странно, сейчас я ему обра-

довалась: хоть кто-то знакомый.

– Я.

– Тебя раньше здесь не было видно. – Димкины щеки зарделись.

«Он стесняется!» – подумала я и удивилась. Это придало мне смелости.

– Да мы не часто сюда заходим, – я рассмеялась, игриво отведя локон двумя пальчиками назад.

– А мы часто. Потанцуем?

«Сбылась мечта идиота», – подумалось мне.

Оставив своего друга Варе для компании, он вцепился мертвой хваткой в мою талию.

– Ну, как жизнь, как школа? – мне захотелось отвлечь его от себя разговором.

– Я ушел после восьми лет. В училище. А тебя не узнать. Ты такая стала...

– Неправильная? Знаю. Ну, а другие как?

– Многие доучиваются. Аньку помнишь, отличницу? На двойки скатилась. А Боровикова недавно под машину попала. Бачин и Олегов вслед за тобой в другие школы перешли. Классную поменяли, теперь у них учитель – мужик.

– Как же такую «заслуженную» поменяли?

– Да на пенсию ушла.

– Значит, все живы-здоровы.

– Нет, не все. Есенин умер. Года два назад.

Во рту у меня пересохло. Я облизнула губы:

– Как умер?

– Так, – Димка неопределенно махнул рукой. – У него же диабет был. Ногу порезал, а она нарывать стала. Ему ночью стало плохо, а никто не знал. Если б ему вовремя лекарство вкололи, то спасли бы, а все спали. Утром мать обнаружила его мертвым. Весь класс на похоронах был.

Тут заиграла быстрая мелодия, и Димка стал дергаться в такт. Подошли Варя с его другом.

– Нас хотят угостить пивом, – радостно сообщила Варька и шепнула мне на ухо: «Догонимся».

– Варь, – сказала я после дискотеки, – я пойду к матери вернуться.

– Как знаешь. – У подружки было хорошее настроение. – Надоест – приходи ко мне. Моя мать никогда не против.

Дверь родной квартиры я открыла как ни в чем не бывало.

– Нашлялась, – искоса глянула на меня мать. – Николай! Твоя доченька пришла!

– Ну, привет, – улыбаясь, поздоровался папа.

– Привет.

Из маленькой комнаты выскочила Дашенька и кинулась мне на шею:

– Ура! Надюша вернулась!

– Что, там, где шлялась, спать не уложили? – съязвила мама. – Откройте форточку, куревом – не продохнуть, – отрезала она и ушла спать.

Вскоре все улеглись. Мне не спалось, и я долго вглядывалась в потолок.

– Почему я не отдала ему машинку... – прошептала я в темноту. – Прости, Сенечка...

Он меня простил. Об этом я узнала на одном из наших с Варькой «спиритических сеансов». Мы занимались у нее дома этой дурью, когда надоедало играть и гадать на картах, что делали мы почти каждый день. Гадали, конечно же, на женихов. Выходило, что все испытывали к нам интерес, а некоторые просто обожали.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.